

Стихи о блокаде

*Была война, была блокада.
Все люди были, как из ада.
Пытались немцев истребить.
Им очень трудно было жить.*

*Как хорошо, что не застали
Мы это время, а сейчас
Нам интересно, как же ждали
Все жены близких каждый час.*

К. Косогина, ученица 3-го класса

Кировский район сражается

Г. Я. Скориков

В последнее время при анализе событий Второй мировой войны используется информация от всех противоборствовавших некогда сторон. Это касается и обороны Ленинграда, в основе которой лежал трезубец (Урицк, Пулковое, Колпино), одной из вершин которого являлся Кировский район. Позволим себе историческую реконструкцию событий тех лет, для того чтобы понять место Кировского района в обороне города.

Кировский район Ленинграда отлично просматривался с вершины Лысой горы

Немецкие артиллеристы уже разворачивали наблюдательные пункты. Прошлой ненастной ночью штурмовой отряд майора Экинге-ра захватил Дудергофские высоты, а сегодня, 11 сентября 41-го года, балтийский ветер, разогнавший облака, позволил штурмовикам 8-го воздушного корпуса оказать мощную поддержку танкам 1-й танковой дивизии в штурме Лысой горы, помеченной на немецких картах как высота 167 и имеющей старинное название – гора Киргоф*. К полудню бой затих.

Кировский район лежал как на ладони. В порту дымили трубы пришвартованных к стенке боевых кораблей «Марат» и «Петропавловск». Было видна группа танков, двигавшаяся по проспекту Стачек у Кировского завода.

На вершине горы Кирхгоф была поставлена точка в немецких военных планах в отношении Ленинграда

Перед 1-й Кассельской тан-

Немецкие артиллеристы на горе Кирхгоф.
Из архива краеведа
А.М. Рожкова

ковой дивизией лежал Кировский район, 6-я Мюнстерская танковая дивизия прикрывала Пулковское направление, 8-я Берлинская танковая дивизия была брошена на Волховский фронт. Использование танковых сил в штурме такого города, как Ленинград, было бы безумием, и Гитлер своим звериным чутьем понимал это. Он верил теоретику танковой войны Гудериану. «Танки мало пригодны к ведению боя в населенных пунктах и совершенно не-

пригодны к уличным боям в больших городах» (Гудериан Г. «Танки, вперед!», 1957).

Директива о переброске танковых сил группы «Север» на Центральный фронт выполнялась. Готовились железнодорожные составы для переброски бронетехники, а в штабе Ленинградского фронта уже лежали сообщения партизанских и разведывательных групп об отводе техники с ленинградского фронта в направлении на Псков и Остров.

Концептуальное решение было принято еще в начале сентября, и указание № 35 фюрера и высшего командующего вермахта от 6 сентября 1941 года (OKW/WFSt. Abt. L (I Op.) Nr. 441 492/41 g. Kdos. Chefs.) звучало в преамбуле так:

«Первые успехи между внутренними крыльями групп армии «Юг» и «Центр» в борьбе с вражескими силам создали, принимая во внимание успешный захват пространства у Ленинграда, основу для операции группы армий «Центр» в атакующих сражениях с группой армий Тимошенко...»**.

Сил на два направления не хватало. Штурм Ленинграда открывал правый фланг восточного фронта для сибирских дивизий. В то же время при штурме Москвы за левый фланг можно было не беспокоиться, поскольку ленинградский фронт надежно удерживался 18-й армией.

Ввязывание же танковых и мобильных войск в штурм города

* Гора Воронья – 147 метров, гора Ореховая – 175 метров, гора Кирхгоф 167 метров.

** Тимошенко до 13 сентября командовал Западным направлением (Ворошилов – Северо-Западным, Буденный – Юго-Западным).

могло быть оправдано лишь при входе в город на плечах противника, как было в Париже, Варшаве и Киеве. Такого шанса защитники города фон Леебу, командующему группой «Север», не дали. Военное руководство группы, как гончие псы, рвалось вперед и не хотело упускать добычу. Стоя на вершине Лысой горы, Г. Рейнхард в азарте бросил Гепнеру: «Дайте мне 8-ю танковую, и я положу город к вашим ногам».

Военные мыслили своими категориями. Действительно, Северный фронт (позже Ленинградский) был рассечен на две части. Западная часть осталась в Ораниенбаумском, как казалось немцам, котле, восточная часть откатывалась к Волхову. Ленинград казался беззащитным.

Гитлер избежал ошибки Сталина

Не так мыслил Гитлер. Он знал, что душа большевистской империи лежит не в Москве, а в Ленинграде, колыбели революции. И он планировал расправиться прежде всего с нею. Но к сентябрю 1941 года, сначала на подсознательном уровне, а затем все яснее и яснее, зрела тревога. Если в своем военном превосходстве фюрер был самонадеянно уверен, то тотальная схватка с противником, его духом, идеологией, фанатизмом внушала ему все больше и больше опасений. Он знал силу народа, приведшего его к власти, и уже не сомневался в том, что русский народ, и в частности ленинградцы, будет защищаться до последнего. Уже улетучились надежды на эфемерность советской власти, и для того чтобы проверить себя, Гитлер запросил аналитический отчет о состоянии ленинградского общества. Отчет включал информацию предвоенных агентов и сотрудников дипломатических служб, а также скупые донесения агентов, оставшихся в городе после начала войны. Особенно его интересовала обстановка в Кировском районе Ленинграда как наиболее оптимальном направлении вторжения войск в город.

Интуиция Гитлера. Кировский 30-х годов. Kraft über Freude

В отчете анализировалось социально-политическое состояние на-

селения. Анализ не обескуражил Гитлера. За предвоенные годы район из окраин столицы превратился в территорию, насыщенную структурами социального благодеяния. Один перечень построенных социальных объектов впечатлял. Больницы, профилактории, школы, дома культуры, жилые кварталы, универмаги и дома быта возникли не просто как функциональные здания, а с высоким художественным и архитектурным вкусом.

Гитлер рассматривал приведенные в отчете изображения сооружений, и его чувство несостоявшегося архитектора и фюрера – отца нации подсказывало ему, что население, получившее все это от государства, будет стоять насмерть, защищая и себя, и город, и страну.

Гитлер знал, как недавно проведенная кампания Kraft über Freude (Сила через радость), позволившая получить доступ к социальным благам всем слоям населения, настроила народ на патристический лад. Люди были готовы идти за вождями, даже воевать в чужие страны, а там, в далеком Ленинграде, народ будет защищаться до последнего. Конечно, будут и информаторы, и ракетчики, направляющие бомбардировщики к цели, и недовольные большевистской властью, но те, кто получил от Советов работу, жилье, образование, медицину, культуру, так просто все это немцам не отдадут.

Фюрер принял решение – в город армии не входить. Кольцо сжать как можно более туго и законсервировать такое положение. Линию Пушкин – Урицк войскам не переходить.

Над головой немецких генералов на Дудергофских высотах шелестели снаряды с «Петропавловска» и «Марата»

Группа немецких офицеров на Дудергофских высотах с участием Эриха Гепнера – командующего 4-й танковой группой, Георг-Ганса Рейнхардта – командира 41-го танкового корпуса, Вальтера Крюгера – командира 1-й танковой дивизии видела взрывы и слышала полет снарядов тяжелых крейсеров.

Крейсер «Петропавловск» – еще одна загадка войны.

Последний из заложенных германских тяжелых крейсеров

ждала наиболее странная судьба. 23 августа 1939 года Германия и Советский Союз подписали пакт о ненападении, предусматривавший, в частности, интенсивный экономический обмен. СССР поставлял большое количество продовольствия и сырья, собираясь в ответ получить современную военную технику. В соответствии с вполне разумными соображениями Сталина: «Корабль, купленный у предполагаемого противника, равен двум: на один больше у нас и на один меньше у врага», особое внимание уделялось попыткам закупить большие боевые корабли.

11 февраля 1940 года состоялось подписание соглашения о закупке «Лютцова». 15 апреля «покупка» при помощи буксиров покинула верфь «Дешимаг» и 31 мая была отбуксирована в Ленинград, на Балтийский завод. По германско-советским планам предполагалось ввести «Петропавловск» в строй к 1942 году. Когда противник вплотную приблизился к Ленинграду, нашлась работа для 8-дюймовок новой единицы. Только в течение первой недели с момента подключения «Петропавловска» к действиям против войск он выпустил 676 снарядов. Однако 17 сентября снаряд с немецкой батареи попал в корпус и вывел из строя единственный источник энергии крейсера – помещение генераторов № 3. Команда потеряла 30 человек, в том числе 10 убитыми. В полностью небоеспособном состоянии «Петропавловск» простоял год. Только 10 сентября 1942 года удалось полностью восстановить водонепроницаемость корпуса, и в ночь с 16 на 17 сентября ввести его в док Балтийского завода. Работы продолжались в течение всего следующего года, и уже в 1944 году вновь заговорили три оставшихся 203-мм орудия (левая пушка в носовой башне была полностью выведена из строя в 1941 г.). Крейсер принял участие в Красносельско-Ропшинской наступательной операции, выпустив за 31 обстрел 1036 снарядов.

История с продажей «Лютцова» вызывает вопросы по поводу мотивации этого поступка со стороны Германии. Аналогичные вопросы возникали у немецких военных, находивших на захваченных в

1941 году складах 88-мм зенитные пушки, являвшиеся их новым оружием выпуска 1940 года. Эти факты, а также активное военное сотрудничество Германии и СССР в 1940-е годы дают основание думать, что до 1940 года в планах Германии отсутствовало военное нападение на СССР. Директива «План Барбаросса» была подписана Гитлером 18 декабря 1940 года. До того времени Большая тройка (Британия, Германия, СССР) вела большую дипломатическую игру на выживание. Исходя из военных, экономических и геополитических интересов напрашивался союз Германии и СССР. Но уж очень сильны были отличия в идеологии. В своем выступлении перед «партхозактивом» в сентябре 1942 года Гитлер начал с того, что заявил: «...наша главная цель – борьба с международным заговором капитализма, коммунизма и плутократии...».

С плутократией и коррупцией внутри страны Гитлер расправился довольно быстро, что вызвало поддержку народа. Олицетворением «капитализма» внутри страны были инородцы, и «хрустальная ночь» не заставила себя ждать. Олицетворением капитализма в мире была (и остается) Британская империя. И Вторая мировая вскоре разразилась.

По идеологии марксизма фашизм являлся высшей стадией капитализма, и схватка Германии и Британии выглядела в глазах Сталина как схватка врагов социалистического государства.

С точки зрения «либеральной» идеологии и, в частности, Черчилля, фашизм и коммунизм имели общую платформу, и грешно было не попробовать сравнить врагов «либерализма – свободного общества».

Надо сказать, что взгляды Черчилля на Гитлера оказались более реалистичными. Хотя Гитлер и колебался до конца 1940 года, но соблазн был велик, и после «Плана Барбаросса» последовало 22 июня 1941 года.

Сталин переоценил аналитические способности Гитлера, и вот гитлеровцы стояли у ворот Ленинграда, а как свидетельство колебаний фюрера – бывший немецкий крейсер «Лютцов» посылал снаряды на головы немецких солдат.

Улица Стачек. 1941 г. ЦГАКФФД СПб.

Рытье окопов на Кировской площади. 1941 г.

Ремесленники строят баррикады у ДК Газа. 1941 г.

Баррикада на улице Стачек. 1941 г.

Сооружение баррикады в Автове. 1941 г.

Выставка трофейной техники на Кировской площади. ЦГАКФД СПб.

Оборонительные сооружения Кировского района

По инициативе А. А. Жданова Военный совет Северо-Западного направления и комиссия по вопросам обороны Ленинграда создали при обкоме и горкоме партии, областном и городском Советах комиссию по руководству строительством оборонительных сооружений. 25 июля приказом главкома войск Северо-Западного направления был объявлен состав и задачи этого органа, ставшего центром организаторской работы по мобилизации сил и средств, созданию инженерной обороны города. В состав комиссии, выполнявшей роль чрезвычайного специального органа, вошли секретарь горкома партии А. А. Кузнецов (председатель), председатель Ленгорсовета П. С. Попков (заместитель), председатель Леноблисполкома Н. В. Соловьев, командующий войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенант Т. И. Шевалдин, генерал-лейтенант академик Б. Г. Галеркин, академик Н. Н. Семенов, директор Кировского завода И. М. Зальцман. Объединив представителей партийных, советских, военных органов, научных организаций и промышленных предприятий, комиссия становилась рабочим органом Военного совета Северо-Западного направления и комиссии по вопросам обороны Ленинграда. На комиссии возлагалась главная и ответственнейшая задача – в максимально короткие сроки закончить строительство укрепленной полосы вокруг Ленинграда. Для ее выполнения комиссии предоставлялись чрезвычайные права в использовании необходимых сил и ресурсов. Решения комиссии являлись обязательными для всех партийных, советских, профессиональных, общественных организаций и руководителей предприятий.

Оценивал обстановку и Сталин. В сознании вождя возникали контуры будущих решений: контрудара под Москвой и Сталинградской битвы. Ввязавшись в городские бои, вермахт не сможет остановиться. Но и пройти к центру города через Колпино, Пулковку, Кировский район враг не сможет. Как только тяжелые силы

группы «Север» окажутся втянутыми в уличные бои, а амбиции военных не дадут им возможности уйти из города, разрыв между группами «Центр» и «Север» даст возможность нанести удар в стык этих армейских групп с выходом на Псков.

Ситуация сложилась точно такая, как впоследствии под Сталинградом. А силы, готовые к удару, были такие же, как в наступлении под Москвой. То есть Сталинград, совмещенный с московским контрнаступлением, случился бы гораздо раньше, уже осенью 1941 года. Эта мысль, возможно, вызрела у Сталина уже тогда, когда решалась судьба Ленинграда.

Вот такая карта могла возникнуть в воображении Сталина, концептуально реализовавшаяся только через год в донских степях.

Как известно, города берутся одним из трех способов

Армия врывается в город на плечах отступающего противника, не успевающего организовать оборону. Так было с большинством городов на Западном фронте. Дивизии народного ополчения Ленин-

Бойцы демонтируют пушку «Берта» на Вороньей горе. 1944 г. ЦГАКФФД СПб.

града не дали врагу такой возможности. 1-я Кировская дивизия народного ополчения, укомплектованная в основном работниками Кировского, Ленинградского судостроительного заводов и частично жителями Дзержинского района, полегла, выигрывая время для организации обороны города. Отдельные советские части при отступле-

нии прорвались через посты полицейской дивизии СС и до 23 сентября 1941 года оборонялись в районе города Пушкина.

Штурм город. Этот план был сорван решимостью ленинградцев защищать то, что они построили и создали в предвоенное время. Враг испугался.

Осада города, длившаяся 872 дня и не давшая врагу ни малейшего шанса на сдачу города.

Сейчас в кругах военных историков (в первую очередь немецких) складывается точка зрения об «ошибке Гитлера», умышленно ослабившего группу «Север» в сентябре 1941 года. Немецкие военные считали, что у них «отняли победу» у стен Ленинграда. Однако анализ состояния города и событий того времени показывает, что при продолжении штурма города немецкая армия могла получить «Сталинград» уже в 1941 году. «Ошибка Гитлера» спасла германскую армию от «Сталинграда» у стен Ленинграда.

Роль Кировского района Ленинграда в защите города огромна. Многие аспекты этой страницы нашей героической истории еще нуждаются в дополнительном изучении и осмыслении. ■

Встреча воинов у Арки победы в Автове. 1945 г. ЦГАКФФД СПб.

Завод имени А. А. Жданова (Северная верфь) в годы Великой Отечественной войны

О. И. Котова

22 июня 1941 года, в воскресенье, на заводе им. А. А. Жданова был рабочий день. Все было как всегда. На стапелях слышалась звонкая дробь пневматических молотков, в достроенном бассейне с визгом вырвался наружу сжатый перегретый пар с кораблей, готовившихся к ходовым испытаниям, и белым облаком таял в высоте.

Однако в 8.30 директора Ивана Григорьевича Миляшкина вызвали в горком партии, и почти одновременно последовала директива – рыть щели для укрытий. Стало ясно: началась война! Новость с быстротой молнии облетела весь завод. А в полдень грозное известие прозвучало по радио на всю страну.

За один день территория завода покрылась щелями, которые затем укреплялись деревянной обшивкой, перекрывались толстыми стальными листами. Во время обстрелов Ленинграда, когда немецко-фашистские войска подошли вплотную к городу, эти укрытия сохранили жизнь многим работникам завода.

На второй день войны на завод пришел пассажирский теплоход «Андрей Жданов» – его требовалось срочно переоборудовать под госпитальное судно. Это была первая большая работа, выполнявшаяся для начавшей войну армии. Пятьсот рабочих трудились на судне, и через три недели оно было готово для приема раненых. Одновременно форсировались работы на кораблях с высокой степенью готовности. К 9 июля удалось завершить государственные испытания эсминца «Статный», 18 июля вступил в строй «Скорый». К 30 августа удалось подготовить к боевым действиям недостроенные «Строгий» и «Стройный». Эти корабли были условно приняты в состав ВМФ, подняли военно-

Разработка плана уничтожения завода. 1941 г.

морские флаги и сразу же включились своей артиллерией в оборону Ленинграда.

С первых же дней войны по всем цехам и отделам прошли открытые партийные собрания с повесткой дня: «О вступлении коммунистов в ряды Красной армии». Собрания были необычные. Как правило, выступавшие ограничивались репликами: «Прошу, запишите меня добровольцем». Старый рабочий цеха № 26 С. М. Шинкович в своем заявлении писал: «Не смотря на свои 54 года, в данный момент я считаю своей святой обязанностью быть на фронте... Я вполне здоров. Прошу зачислить меня в ряды Красной армии».

За полтора года, с июля 1941 года по январь 1943 года, через Кировский райвоенкомат с завода ушли в Красную армию 1360 человек.

Фронт быстро приближался к Ленинграду. Враг, несмотря на упорное сопротивление, шел вперед и вперед. Встал вопрос об орга-

низации ополченческих дивизий. В Кировском районе было решено организовать Кировскую дивизию, в составе которой формировался и 2-й (Ждановский) полк. Завод превратился в большой военно-призывной пункт. Командование полком принял кадровый офицер полковник Иван Иванович Лебединский, остальные должности заняли работники завода: комиссар – первый заместитель секретаря парткома Александр Семенович Ермолаев, комсорг – секретарь комитета комсомола завода Семен Борисович Коган. Стрелковыми батальонами командовали Виктор Николаевич Мараев, Василий Григорьевич Малетин и Алексей Михайлович Ратников, а пулеметной ротой – Евгений Николаевич Калачков. Всего в народное ополчение записались около трех тысяч (2995) рабочих, инженеров и служащих завода, в том числе 57 женщин.

10 июля 1941 года полку было вручено боевое знамя, а уже через

5 дней он занял оборону на переднем крае в Шимском районе Новгородской области. Тяжелые бои на участке, который занимал Ждановский полк, продолжались до 10 августа. Днем и ночью не смолкали гул артиллерийской канонады, грохот бомб. В районе обороны был кромешный ад. Бойцы неоднократно переходили в контратаки, отбрасывали врага, наносили ему большой урон. Когда противнику после непрерывных упорных атак удалось прорвать оборону полка, подразделение Виктора Мараева, вооруженное одними винтовками, задержало наступление немцев, а к исходу дня ценой больших потерь отбросило врага на исходные позиции. В том бою Мараев был тяжело ранен, но не оставил поля боя, пока боевая задача не была полностью выполнена. За храбрость и самоотверженность Виктор Мараев первым в полку был представлен к высокой правительственной награде – ордену Красного Знамени.

В тот же день в окруженной немцами церкви деревни Большие Угороды героически погиб пулеметный расчет Михаила Петрова. Пулеметчики сражались до последнего патрона, а когда патроны кончились и Петров остался один, он написал предсмертную записку: «Нас было пятеро. Все комсомольцы. Ваня и Гриша погибли час назад. Мы переползли в церковь, чтобы больше уничтожить фашистов. Осколком убило Диму. Остались с Евсеем Сибиряком. Стояли до

конца. Убило Евсея. Осталась последняя граната...». Когда враги подступили вплотную, Михаил Петров через окно бросился в гущу немцев и подорвал гранатой себя вместе с врагами.

Много подвигов совершили и другие ждановцы-ополченцы. Полк понес большие потери, но продержался еще 4 дня и только 14 августа по приказу командования отступил на другие позиции.

Со 2 сентября по 25 октября 1941 года 2-й полк Народного ополчения Завода имени Жданова оборонял близкие подступы к Ленинграду. Он участвовал в боях за Пулково, Красное Село, Дудергоф, Александровку, Тайцы, Урицк, Лигово, Сосновую Поляну и другие населенные пункты. В конце сентября 2-й полк Народного ополчения был переформирован в 25-й стрелковый полк регулярных войск Красной армии. Незадолго до этого командиром полка был назначен майор Михаил Иванович Супагин.

28 октября 25-й стрелковый полк был переброшен самолетами для боев за Тихвин. Впоследствии полк занимал оборону на Киришском плацдарме, а в 1944 году освобождал от фашистов Кириши, Чудово, Остров, Порхов, Дно, города и села Прибалтики, столицу Латвии Ригу. Боевой путь полка победно завершился у границ Восточной Пруссии. За взятие штурмом города Острова ему было присвоено почетное наименование 25-го стрелкового Островско-

го полка, а 15 апреля 1945 года полку вручили орден Красного Знамени. Овеянное пороховым дымом боевое знамя полка хранится в музее завода...

Однако вернемся к событиям осени 1941 года. После ухода на фронт призывников и ополченцев оставшаяся часть коллектива продолжала достраивать и ремонтировать корабли, выполнять срочные фронтовые заказы. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины и подростки.

Вскоре завод оказался буквально на передовой линии фронта – до немецких позиций было 3 километра. Заводские здания и сооружения попытались замаскировать. Вдоль набережной насадили «деревья» из стальных труб с приваренными ветками и набросанной стальной стружкой, покрасили их зеленой краской. В связи с реальной угрозой прорыва противника в Ленинград рабочие построили ряд оборонительных сооружений на прилегающей территории и на самом заводе. Те огневые точки должен был занять для обороны рабочий батальон. Он был сформирован из сотрудников завода, которые все без исключения прошли военное обучение. В качестве последней меры основные заводские сооружения были подготовлены к взрыву.

Грохот орудий всех калибров не смолкал ни днем, ни ночью. Корабли, находившиеся в акватории завода, поддерживали артиллерийским огнем сухопутные войска. Недостроенный эсминец «Опытный» стоял на артиллерийской позиции в порту. Из окон заводоуправления были хорошо видны огненные языки, непрерывно вырывавшиеся из его пушек. Корабль вел огонь по фашистам, рвавшимся к Красному Селу и Петергофу. В начале сентября 1941 года на одной из четырех главных опор эллинга был оборудован главный корректировочный пост морской артиллерии. Первым командиром поста был капитан 3-го ранга Николай Николаевич Ротин. С высоты шатра эллинга были видны в стереотрубу результаты огня наших флотских артиллеристов – на дорогах и в поле валялись исковерканные танки, автомашины, орудия, трупы фашистов.

Заготовка дров во время войны

Заводская набережная. 1944 г.

Однако и враг вел по заводу прицельный огонь по эллингу, по движущейся стреле портального крана, по дыму заводского паровоза, по вспышкам электросварки. Мужественное поведение наших рабочих под обстрелом вызывало восхищение. С грохотом разрывался снаряд в цехе, падал человек. Подбегали сандружинницы. Чуть покосившись в сторону разрыва, соседи продолжали работать у станков. Дирекция и партком запретили работать во время артиллерийских обстрелов, приказав прятаться в щели и блиндажи. При первых же ответных выстрелах наших батарей все занимали свои рабочие места. В некоторые дни количество обстрелов доходило до шести!

Всего за годы войны на территории завода упало 59 фугасных и более 17 тысяч зажигательных бомб, свыше 5 тысяч артиллерийских снарядов крупного калибра (150–203 мм). Ни один завод в Ленинграде, кроме Кировского, не подвергался столь интенсивному артиллерийскому обстрелу, но, несмотря на это, люди продолжали ежедневно выполнять оборонные заказы.

Работа велась, как тогда говорили, «на выстрел». То, что было необходимо фронту, делалось немедленно. По указанию из Смольного все судостроительные заводы Ленинграда приняли участие в изготовлении 76-мм полковых пушек. Головным предприятием стал Кировский завод. После распределения между заводами заказов на детали пушек технолог Кировско-

го завода коротко рассказал об особенностях их обработки – вот и вся «документация». Ждановский завод изготовил 55 лафетов, 631 щит и почти 20 тысяч мелких деталей для полковых пушек.

Изыскивая дополнительные возможности помощи фронту, дирекция предложила использовать морские 130-мм орудия, имевшиеся на складе, для создания железнодорожных батарей. Конструкторское бюро завода в кратчайшие сроки спроектировало установку на базе 15-тонной железнодорожной платформы. Ждановцы построили 12 таких артиллерийских установок, оборудовали жилые вагоны для орудийных расчетов, снабдили батареи средствами связи, а также соорудили три платформы с 37-мм зенитными пушками. Эти мощные подвижные установки обороняли Ленинград вплоть до полного снятия блокады.

На протяжении всей героической обороны Ленинграда коллектив завода имени А. А. Жданова выполнял срочные фронтные заказы. Кроме артиллерийских установок изготавливались детали танков «КВ», долговременные огневые точки из корабельной брони, артиллерийские снаряды, минометные мины, фугасные и зажигательные авиабомбы, шанцевый инструмент, многие другие насущно необходимые фронту изделия.

В ноябре 1941 года по решению командования Ленинградского фронта завод частично был эвакуирован в пустующие корпуса заводов «Русский дизель» и им. К. Е. Ворошилова на Выборгской

стороне. Все машиностроительное оборудование завода (механический, инструментальный, деревообделочный, меднолитейный, сталелитейный, кузнечный, все вспомогательные цехи и службы) перевезли на новую территорию и пустили в эксплуатацию за две недели, организовав там в первую очередь производство боеприпасов. Недостроенные и ремонтирующиеся корабли перевели на Малую Невку. На старом месте остались лишь корпусостроительные цехи. В сентябре Ивана Григорьевича Миляшкина назначили директором Балтийского завода, а затем перевели в Москву. Директором завода имени А. А. Жданова был назначен Сергей Александрович Боголюбов.

Работать на новой территории было несколько спокойнее, хотя и сюда залетали вражеские снаряды, но трудности были не в этом, а в переходах к новому месту работы. Трамваи не ходили, и рабочие, проживавшие в основном в Кировском районе, должны были ходить пешком 9 километров. Это был изнурительный труд, но, как вспоминали рабочие тех лет, опозданий к началу работы не было.

Наступила лютая зима с ее холодом и голодом. От бомбежек и обстрелов во многих помещениях вылетели не только стекла, но и рамы. Зияющие проемы заделывали фанерой, лишь кое-где были сделаны небольшие застекленные «глазки». Отапливать служебные и производственные помещения было нечем, водопровод и канализация замерзли, но люди продолжали трудиться. В помещениях царил холод, особенно чувствительный для голодных людей. Пальцы прилипали к мерзлому металлу. В цехах поставили большие печи – «буржуйки», возле которых рабочие могли обогреться. Рабочий день был установлен продолжительностью в 10 часов, выходных дней – два в месяц. А фактически рабочие и инженеры иногда сутками не выходили с завода. Невольные «выходные дни» случались из-за перебоев с электроэнергией. Зато в дни, когда включалось электричество, с нормами не считались и трудились без передышки, наверстывая потерянное время.

Скудного блокадного пайка, выдаваемого по карточкам, было

недостаточно для поддержания сил. В октябре от голода и болезней умерли 11 рабочих, в ноябре – 28 человек, в декабре – уже 89 человек. Своя фабрика-кухня на заводе позволяла маневрировать некоторыми продуктами и поддерживать силы работавших. В ход пошло все, что могло быть пригодным для питания человека: натуральная олифа, бараний жир для насадки спусковых дорожек, столярный клей, синтетический пищевой белок... Все это выдавалось строго по талонам и спискам. Прежде чем пускать в питание блюда из указанных «продуктов», производилась их проба. Сварщики, трудившиеся с краткими перерывами с 5 часов утра до 10 вечера, получали специальный жетон на дополнительное питание, по которому отпускалось 200 граммов хлеба, тарелка супа и соевая котлета. Чтобы поддержать людей, спасти их от голодной смерти, на заводе организовали медицинские стационары на 70 коек, которые снабжались дополнительными продуктами. Начальники цехов еженедельно посещали своих больных.

Как известно, огромную роль в том, что Ленинград выстоял в страшную блокадную зиму 1941–1942 годов, сыграла Дорога жизни, проложенная по льду Ладожского озера. Однако ледовая трасса не могла быть «вечной». С приходом весны и тепла требовался многочисленный транспортный флот, а много судов погибло от осенних штормов и вражеских бомбежек.

11 марта 1942 года Государственный комитет обороны принял постановление о постройке на Бал-

тийском и Адмиралтейском заводах для Ладоги десяти барж грузоподъемностью по 900 т. Завод имени А. А. Жданова, оказавшийся ближе всех к линии фронта, планировалось к этой работе не привлекать, но коллектив настоял, чтобы ему поручили сделать сверхплановую – одиннадцатую баржу.

Полностью собрать и сварить баржи на заводах и без разборки перевести их по Неве на Ладожское озеро было нельзя. Левый берег Невы был занят противником. Огонь вражеской артиллерии запросто потопил бы баржи. Поэтому на заводах изготавливали только секции, которые по железной дороге доставляли на берег Ладожского озера. Сборка и сварка барж в апреле 1942 года была организована в бухте Гольцмана.

На первых порах каждый завод пытался сам организовать работу по сборке корпусов, но это плохо удавалось. 15 мая истекал назначенный срок окончания постройки десяти барж, но к 10 мая ни одна не была готова. Между тем миновали уже две недели с того дня, когда по льду Ладоги с Большой земли в Ленинград прошла по радиатор в воде последняя автомашина. Положение создалось угрожающее. Тогда было принято решение организовать в бухте Гольцмана объединенную верфь во главе с директором завода им. А. А. Жданова Сергеем Александровичем Боголюбовым. С ним на Ладогу выехали лучшие заводские специалисты, в том числе все работоспособные сварщики. Рабочие разместились в палатках армейского

типа, сделали топчаны, скамейки, для обогрева палаток соорудили буржуйки. На верфи удалось организовать дополнительное питание, что было для истощенных блокадой людей особенно важно.

Электросварочные точки распределяли, как хлеб по карточкам, строго концентрируя все усилия на какой-либо одной барже с наибольшей готовностью. Ведь Дорога жизни нуждалась в судах не через несколько месяцев, а немедленно, сейчас. Коллектив трудился по 16–18 часов в сутки, несмотря на бомбежки и лишения. Сварка не прекращалась даже ночью. Сверкающие электродуги выхватывали из темноты силуэты людей, барж, кранов...

Работа по гибке листов наружной обшивки на плите при помощи кувалд была непосильна для рабочих, потерявших физическую силу от недоедания, поэтому в проекте баржи применялись упрощенные плоскостные, прямолинейные обводы корпуса. Этим словно открылось новое направление – блокадное судостроение. По такому же принципу строились тендеры, плашкоуты и малые тральщики «стотонники».

Первую баржу, привезенную частями, построили за 20 дней. Со временем этот срок удалось сократить до десяти, а затем и до 6 дней! И подобный технический прогресс был достигнут не за многие месяцы, а в течение считанных недель. В довоенные годы с хорошо оснащенных стапелей судостроительных заводов такую баржу в лучшем случае спускали через три-четыре месяца. Первая баржа пошла в плавание 27 мая. А всего верфь на Ладоге построила 14 барж вместо 11.

Завод имени А. А. Жданова строил для Ладоги также самоходные тендеры грузоподъемностью 10–12 т и плашкоуты на 25 тонн с автомобильными моторами. На старой заводской территории было изготовлено 18 плашкоутов. Их постройкой и отправкой на Ладогу и сдачей руководил начальник технического бюро судомонтажного и трубомедницкого цехов энергичный инженер Г. И. Смирнов.

По оригинальному проекту начальника группы заводских конструкторов Ореста Федоровича

Бригада разметчиц завода

Якоба был построен и сдан флоту один двухмоторный 100-тонный тендер. Новым судном заинтересовался командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал Владимир Филиппович Трибуц, который попросил продемонстрировать ему возможности большого тендера. В назначенный час тендер подошел к пристани на набережной Лейтенанта Шмидта, возле училища им. М. В. Фрунзе. Адмирал внимательно осмотрел судно, выразил свое удовлетворение работой завода и предложил показать тендер на ходу.

Принимавший участие в «демонстрационных испытаниях» Орест Федорович Якоб писал в своих воспоминаниях: «Мы прошли несколько раз по Неве мимо пристани. И тут получился небольшой конфуз. Команду тендера составляли не моряки, а судостроители. По очереди мы все стояли на руле, исполняли обязанности матросов и мотористов. Сначала все шло хорошо, но потом во время одного из проходов Волков, стоявший на руле, при повороте вдруг растерялся, и тендер, не сбавляя хода, ткнулся в гранит набережной. Нос даже спружинил, и тендер отскочил от парапета. Наверняка пробоина! Но нет! Никаких повреждений корпус не получил. Пристали к берегу. Ждем, что Трибуц даст нам взбучку, но он только посмеялся. “Ну, – говорит, – не только ходкость, но и прочность испытали!”»

Безусловно, главной задачей завода имени А. А. Жданова в годы войны оставалась постройка и ремонт боевых кораблей Балтийского флота.

Весной и летом 1942 года на эсминцах «Строгий» и «Стройный», стоявших на Неве у лесопарка, в очень трудных условиях велись достроечные работы. Ими руководили старшие строители Д. А. Чалык и В. К. Кабышев. При этом корабли не прерывали боевых действий. Они обстреливали район, занятый врагом, от Шлиссельбурга до Пулковских высот. Фашистские артиллеристы вели ответный огонь. Вокруг кораблей то и дело возникали всплески от снарядов, а осколки оставляли пробоины в обшивке и палубах, добавляя работы судостроителям. «Строгий» и «Стройный» были оконча-

Строительство тральщиков. 1943 г.

тельно достроены и сданы флоту 15 сентября 1942 года, а ходовые испытания они прошли уже после победы. В годы войны завод имени Жданова достроил также сторожевой корабль «Ястреб» по новому проекту 29-к.

Наиболее длительный и сложный ремонт был выполнен заводом на лидере «Минск», который в сентябре 1941 года затонул после налета вражеской авиации в гавани Кронштадта, а в августе 1942 года был поднят со дна. Первоочередные работы проводились в Кронштадтском доке выездной бригадой завода под руководством талантливого инженера Д. А. Чалыка.

Ремонт начали с корпуса. Небольшие заплаты ставили с помощью электросварки. Если несколько таких повреждений находились рядом, заменяли часть листа обшивки или же весь лист. Пробоины большего размера заделывали стальными заглушками на заклепках. Пока корабль был в доке, заново проверили, затем отремонтировали донную и забортную арматуру, обеспечили водонепроницаемость отсеков.

Поскольку большой и сложный ремонт требовал участия почти всех цехов и служб предприятия, было решено как можно быстрее закончить работу в доке и перевести лидер в Ленинград. К счастью, главные и вспомогательные механизмы корабля практически не имели повреждений, а вытекший из пробитых цистерн мазут сыграл роль консервирующей смазки. Механизмы тщательно очистили от ила, грязи и нефти, а внутреннюю

полость главных турбин многократно промыли горячей водой и продули до полной очистки насыщенным паром. Вся работа по восстановлению корпуса и механизмов лидера была выполнена ударными темпами за 60 рабочих суток.

Вечером 3 ноября, соблюдая строжайшую светомаскировку, лидер «Минск» вышел на ходовые испытания и двинулся на запад по фарватеру до Красной Горки, а потом лег на обратный курс. В заливе было тихо, темнота абсолютная – нигде ни огонька, никаких ориентиров. Выход оказался удачным. Машинно-котельные установки работали нормально. Когда перегрелся переборочный сальник, машинисты, которыми руководил старший мастер Федор Михайлович Иванов, быстро ликвидировали неисправность, не останавливая машин. Корабль был готов к переходу в Ленинград. Перед тем как покинуть Кронштадт, на корабле подняли Военно-морской флаг СССР. Лидер «Минск» возвратился в строй! День 5 ноября стал вторым днем рождения корабля.

Через 4 дня лидер в сопровождении эсминцев «Славный» и «Грозный» вышел по Морскому каналу в Ленинград. Такой переход представлял собой в то время сложную операцию. Батареи противника с южного берега Невской губы открыли по кораблям прицельный огонь, но, маневрируя резкой сменой хода, «Минску» удалось избежать попаданий. Во время перехода по Неве оказалось, что крылья ходового мостика «Минска» шире разводного пролета мос-

та Свободы (ныне – Сампсоньевский). Прямо на месте эти конструкции отрезали автогенном, а впоследствии, когда корабль по пути с завода миновал мост, установили их на штатное место.

В Ленинграде лидер был размещен на новой территории завода на Выборгской стороне для продолжения ремонта. Бомбежки и обстрелы завода велись постоянно. Корабль получал новые пробоины в бортах и надстройках, а рабочие наравне с краснофлотцами несли потери. Были убитые и раненые. И все же ремонт шел.

Сняли с корпуса судна всю промокшую, испорченную изоляцию и поставили новую. Изготовили оборудование для всех корабельных помещений и быстро смонтировали его. Заменяли все приборы – штурманские, гидроакустические, артиллерийские, радиоаппаратуру. Вскрыли все механизмы и капитально их отремонтировали. Все машинно-котельные установки проверили и сдали команде «Минска» во время швартовных испытаний у стенки завода. Артиллерийское вооружение погрузили 50-тонным плавучим краном.

Десять месяцев напряженного труда рабочих и инженеров завода им. А. А. Жданова, краснофлотцев, старшин и офицеров корабля были позади. Безграничная самоотверженность этих людей преодолевала все трудности военного времени, тяготы блокады. 22 июня 1943 года, намного раньше намеченного срока, лидер «Минск» вновь стал полноценной боевой единицей Краснознаменного Балтийского флота и занял огневую позицию на Большой Невке, включившись в систему обороны Ленинграда.

В 1943 году начался ремонт сторожевого корабля «Вихрь». Этот сторожевик пришел на завод для капитального ремонта еще до войны. Главные турбины и вспомогательные механизмы были сняты и выгружены с корабля. В августе вместе со станками турбинного цеха их решили эвакуировать в глубь страны. Эшелон со станками успел проскочить на Большую землю, а вагоны с машинами «Вихря» задержались и при взрыве боеприпасов на станции Ржевка были буквально разнесены в клочья. Корабль остался без «начинки».

2 сентября 1942 года на Ладожском озере вражеская авиация потопила однотипный с «Вихрем» сторожевик «Пурга». При этом поврежден был только корпус корабля, а механизмы оказались целыми. Водолазы сняли с потопленной «Пурги» все механизмы, арматуру и устройства и передали их на завод для установки на «Вихрь». Работы на корабле пошли быстрыми темпами.

В 1943 году началась серийная постройка малых тральщиков-«стотонников» с плоскостными обводами по проекту 253-Л, созданному специально с учетом ленинградских возможностей. Частые прицельные обстрелы противником территории завода заставили организовать постройку этих кораблей на новой (временной) территории на Выборгской стороне, прямо на трамвайных путях, на набережной.

Запасы корпусной стали находились на старой территории, но, к сожалению, нужных листов и профилей на складе было мало. Тогда кто-то предложил использовать листы, примененные в свое время для усиления огневых точек, оборудованных возле завода. Они теперь находились позади новой, более мощной линии укреплений. Идея была спасительной, но взять там металл оказалось нелегко. Задачу удалось решить только благодаря самоотверженности и мужеству группы рабочих во главе с начальником материального бюро корпусного цеха Владимиром Васильевичем Осетровым и бригадиром Иваном Ивановичем Сальниковым. Работали они в сумерках, вручную, часто попадали под огонь противника. Добытый таким способом металл подтягивали к достроечной стенке, ночью грузили с помощью берегового крана в баржу и везли на Большую Невку. К концу года три первых «стотонника» были готовы к спуску.

27 января 1944 года Москва салютовала доблестным воинам Ленинградского и Волховского фронтов, разгромившим фашистов под Ленинградом. Этот день для трудящихся завода им. А. А. Жданова был двойным праздником. С временной территории на Выборгской стороне они возвратились на родной завод.

Все, кто не был на заводе долгие блокадные годы, ужаснулись тем разрушениям, которые нанесли фашисты. Здание заводоуправления после опустошительного пожара стояло без крыши, с полуразвалившимися стенами. Через проемы пустых оконных проемов было видно небо. Только массивные стены цехов и высокий элинг сохранили свой первоначальный вид. Вернувшись на территорию завода рабочим и инженерам предстояла нелегкая работа. Кроме выполнения заказов фронта надо было отремонтировать здания и сооружения, осуществить переезд цехов, наладить производство, восстановить жилой фонд. На заводе был создан отдел капитального строительства, организованы рабочие строительные отряды. Старые производственники вышли с инициативой ежемесячно отработать по 25 часов на восстановлении завода.

Принятые меры позволили быстро наладить выпуск основной продукции. Строительство тральщиков было организовано поточно-позиционным методом. Большую подготовительную работу выполнил начальник технологического бюро корпусного цеха В. П. Кириллов и главный технолог завода Яков Михайлович Гурьянов. В короткое время было построено 17 малых и 11 больших тральщиков, изготовлены плавучие емкости для заправки топливом малых кораблей и катеров. 20 июля завод приступил к ремонту поднятого со дна моря эсминца «Стерегущий», который в самые тяжелые дни сентября 1941 года был потоплен немецкой авиацией на Петергофском рейде.

Война шла к концу. Тральщики очищали от мин Финский залив, подходы к портам, фарватеры. В помощь им на заводе достраивались новые «стотонники». Завод возвращался к мирному труду, осваивая выпуск запасных частей для сельскохозяйственных машин. После великой Победы на стапелях стало появляться все больше людей в солдатских гимнастерках и матросских бушлатах – фронтовики возвращались на родной завод. Но очень многие рабочие, служащие, инженеры навсегда остались на полях сражений.

Пусть будет им вечная память! ■

Значок «Участнику Дороги жизни», принадлежащий Т. К. Горышиной

Когда началась война, мне было 13 лет. Наша семья жила в небольшой коммунальной квартире на территории Областной больницы (ул. Комсомола, 4). Отец, Константин Григорьевич Просолупов, врач-эпидемиолог, заведовал Областной малярийной станцией, мама, Юлия Ивановна Просолупова, работала там же фельдшером-лаборантом. Я, Тамара Просолупова, училась в школе № 138 и весной 1941 г. окончила 6-й класс. Впереди меня ждало необычайно интересное лето: мама собиралась взять с собой в командировку на Карельский перешеек, только что отошедший к нам после Финской войны. Малярийная станция, активно сражавшаяся с этой болезнью, тогда весьма распространенной в области, летом 1941 года должна была обследовать в новых районах заболеваемость жителей и населенность водоемов малярийным комаром.

В воскресенье 22 июня после обеда мы должны были выехать. Я укладывала свои вещи в чемодан, как вдруг... По радио прервали воскресный концерт и стали передавать сообщение Молотова о нападении Германии на Советский Союз. Началась война.

Жизнь резко изменилась. В первые дни войны по радио стали раздаваться сигналы воздушной тревоги, но люди еще не совсем представляли, что нужно делать, тем более что вначале не было бомбоубежищ. Их вскоре оборудовали в подвалах зданий, но по сигналам

Воспоминания о блокаде и Дороге жизни

Т. К. Горышина

Тамара Просолупова в марте 1941 г.

тревоги мало кто в них спускался – как-то еще не верилось в реальность угрозы с неба. Многие стали носить противогазы, не столько из страха перед химической атакой, сколько повинувшись дисциплине, привитой ранее Осоавиахимом. Общество содействия обороне, содействия авиационному и химическому строительству среди прочих дел занималось просвещением населения в предвидении будущей войны и часто устраивало учения на улицах. Когда кончились белые ночи, город стал по вечерам погружаться во тьму: погасло уличное освещение, в домах было велено сделать «светомаскировку» – плотно завешивать окна, когда включен свет. За состоянием затемнения строго следило домовое начальство, и даже за небольшую щель, сквозь которую пробивался свет, грозило строгое наказание, вплоть до нескольких лет тюрьмы. Над подъездами домов и входами в бомбоубежища тускло горели синие лампочки. Этот замозильный свет так и остался у меня в памяти как одно из «цветовых пятен» первых месяцев войны.

В городе появились другие приметы военного времени. В окнах домов на стеклах повсюду были наклеены полоски бумаги крест-накрест (по диагонали). Считалось, что это сможет укрепить стекла и спасти их в случае взрывной волны. Сколько я видела потом после бомбежек осколков стекла с бумажными полосками...

Вышел приказ о сдаче велосипедов и радиоприемников «на хранение». Стали высылать из Ленинграда немцев, шведов, финнов. К нам приходила прощаться папина сотрудница – врач Зигфрида Оскарловна Лундберг, из давно обрυσшей шведской семьи.

В небе нередко можно было увидеть неподвижно висевшие серебристые аэростаты воздушного заграждения, напоминавшие гигантские пухлые сардельки. Иногда мы видели их и на земле: огромный серебристый баллон «отдыхал» на траве какого-нибудь сквера или плавно плыл по улице в окружении нескольких человек – бойцов ПВО, тащивших его за веревки.

По приказу от 28 июня 1941 года началась эвакуация детей из города. Собралась эвакуироваться и наша школа, но родители решили оставить меня в городе: все еще казалось, что война – это ненадолго. (Некоторые из школ, эвакуированные в близлежащие южные районы области, с приближением немецких войск вынуждены были вскоре вернуться.)

В первое время я оставалась днем дома одна, но потом мама стала брать меня с собой на работу. Многие медики были мобилизованы, а оставшиеся переключились с борьбы с малярией на работу по подготовке госпиталей, а потом и по их обслуживанию. Я тоже участвовала в несложной работе: мы резали полотнища марли на полоски и скатывали из них бинты.

Враг все ближе подходил к городу, и в ленинградском небе стали появляться немецкие самолеты. Когда раздавался по радио ненавистный вой сирены и тревожный голос диктора: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!», всем следовало укрыться в бомбоубежищах. В первое время мы послушно спускались в подвалы с рюкзачком за плечами, в котором были документы, запас еды, перевязочных средств и белья. Но потом как-то привыкли к тревогам и стали вести себя более вольно. Кроме бомбоубежищ в подвалах были и другие укрытия: прямо на улицах (чаще всего в скверах, кое-где и во дворах) были вырыты «щели» – узкие и длинные ямы в рост человека, в которых можно было притаиться, когда близко рвались бомбы и снаряды. Конечно, они защищали только от осколков, но в случае прямого попадания... их так и называли – «братскими могилами». А когда воздушная тревога заставала людей на улице, укрывались и просто в подворотнях. Помню, как мы с подругой, когда еще работали театры, отправились на какой-то дневной спектакль, но из-за тревог так и не доехали, поскольку то и дело приходилось высаживаться из трамвая. Стоя в очередной подворотне, слушали залпы зениток и видели, как в небе один за другим появляются мелкие белые облачка – разрывы зенитных снарядов; вскоре весь видный нам кусочек неба стал похож на голубой ситец в белый горошек.

И вот наступило 8 сентября, когда кольцо блокады вокруг Ленинграда сомкнулось. Помню пожар на Бадаевских продовольственных складах после ожесточенного и прицельного налета. Дом Областной больницы одним фасадом выходил на набережную Невы, и с верхних этажей было видно не только облако дыма в полнеба, но и громадные языки пламени. Кто-то сказал: «Вот как наш сахар горит...». По радио стали передавать обращение к жителям, полное небывалой до сих пор тревоги. Врезалась в память фраза: «Враг хочет задушить нас костлявой рукой голода...».

В самом деле, в городе уже ощущался недостаток продовольствия, и с 18 июля были введены карточки. Но никто и представить

себе не мог, что будет через два-три месяца.

Занятия в школе не начались 1 сентября, как обычно: многие школы были эвакуированы, учителя мобилизованы на оборонные работы; некоторые школьные здания (наша школа № 138 в том числе) были заняты под госпитали.

С каждым днем становилось все голоднее, холоднее, темнее. С теплом нам, можно сказать, повезло: здание Областной больницы, в котором разместился госпиталь, еще кое-как отапливалось (правда, еле-еле). Но голод стал мучить уже по-настоящему. Нормы хлеба по карточкам (у родителей были «служащие», у меня «иждивенческая») все уменьшались, пока не упали до 200 и (моя) 125 граммов.

По продуктовым карточкам мало что удавалось купить. Раз в декаду по городу объявляли, что выдается по талонам (видимо, из последних запасов города). Вначале это была чечевица, а когда запасы ее кончились, стали давать соевые бобы, до тех пор неизвестные нам как пищевой продукт (вероятно, кормовые). В очередях сразу же стали говорить о немецких листовках, якобы сбрасываемых на город, с таким текстом: «Чечевицу доедите и Ленинград сдадите»; «Доедите бобы и ляжете в гробы». Думаю, что это был своеобразный ленинградский блокадный фольклор.

(Кстати, о листовках: сколько помню разговоров о них, никогда они не были сочувственными: не возникало ни мыслей, ни интонаций, свидетельствовавших о том, что жители готовы сдать город «немцу».)

Потом выдачи по карточкам стали еще более скудными: то горсть крупы, то немного масла, а один раз – что мне хорошо запомнилось – соленые помидоры и по кусочку шоколада. Изворачивались, как могли. Настоящим спасением для нас был небольшой мешок картошки, который родители привезли из весьма рискованной экспедиции: группе медиков удалось организовать поездку на грузовой «полуторке» в прифронтовую полосу (кажется, куда-то на Среднюю Рогатку), где они, перебираясь ползком по полям между линиями окопов, накопили картошки на брошенных полях; копа-

ли, лежа на животе... Уже съев картошку, мы пытались как можно дольше растянуть высушенную картофельную шелуху.

Иногда отцу удавалось где-то раздобыть крохотный аптечный пузырек рыбьего жира. Раньше этот целебный жир из тресковой печени с малоприятным запахом давали детям против авитаминоза, и все дети дружно ненавидели его; а теперь – какое это было лакомство! А однажды у нас был почти настоящий пир: отец принес откуда-то четверть лошадиной головы (скорее всего, от павшей лошади). И вот ведь досада, в кастрюлю, где варился из нее студень, каким-то образом попал окрасивший его обломок чернильного карандаша. Но не выливать же было драгоценную еду! Так и съели это ядовито-фиолетовое вариво...

На работу с мамой я больше не ездила – перестали ходить трамваи. Родители ходили пешком через весь Литейный и далее до площади Восстания, а я, отстояв очередь за хлебом, закутывалась во что могла и коротала время за чтением. Среди прочих книг как-то попали мне в руки «Мертвые души». Боже, какое это было мучение – читать описания помещичьих обедов и угощений! Помню, дойдя до собакевичевского «бараньего бока с кашей», я не выдержала, отшвырнула ни в чем не повинного Гоголя и с ревом выбежала из комнаты.

3 ноября в 130 школах осажденного города все-таки начался учебный год. Я попала в школу, расположенную позади кинотеатра «Гигант», и начала ходить в 7-й класс. Чтобы не прерывать занятия во время бесконечных воздушных тревог, уроки у нас шли прямо в бомбоубежище (хорошо, что еще было электричество, хотя и вполнакала). Сами занятия помню плохо – от голода кружилась голова, часто бывало нечто вроде забытья. Преподавали нам далеко не все предметы, но вот что мне запомнилось – это уроки французского языка: первая фраза, которую мы, ленинградские блокадные дети, записали и выучили, была «Les Allemands sont nos ennemis» («немцы – наши враги»). Особых доказательств она не требовала... И еще почему-то помню уроки черчения.

Но ходить в школу мне пришлось недолго. Во-первых, все

Занятия в школе зимой 1941–1942 гг.

труднее становилось проделывать пешком путь по Кондратьевскому проспекту (это примерно четыре остановки). Однажды утром путь преградила широкая река, льющаясь поперек проспекта, — это ночная бомбежка где-то капитально повредила водопровод. Приходилось ходить в школу и под артобстрелами. Как-то раз я с несколькими ребятами попала под обстрел у самой школы, на площади у кинотеатра «Гигант». Услышав разрывы совсем близко, мы бросились спасаться в огромные сугробы, наваленные на кое-как расчищенной площади. Переждав обстрел, стали подниматься; но девочка, лежавшая рядом со мной, так и не встала...

Во-вторых, и это главное, мне пришлось оставить школу, чтобы с утра выстаивать долгие очереди за хлебом, поскольку даже наших скудных пайков хватало не всем, прикрепленным к булочной, и приходилось занимать очередь как можно раньше, часов в 6–7 утра, а потом иногда ждать весь день. Как мне запомнились эти темные морозные утра под дверьми булочной, молчаливые закутанные фигуры, переминающиеся с ноги на ногу, номерки очереди чернильным карандашом на ладонях...

Морозы в ту зиму были небывало жестокие. Топили еле-еле, мы ходили дома в пальто, закутавшись сверху в одеяла, а спали под матрацами, тесно прижавшись друг к другу. Перестал работать водопровод, воду носили в бидончике из

проруби на Неве (и тут нам повезло: ведь дом был на набережной). Электричества не было, по вечерам нам светила коптилка — солярка, налитая в блюдце, а на его краю — фитиль с еле живым огоньком.

И конечно, изводили бомбежки и обстрелы. Это уже были не те «воздушные тревоги» первых дней войны, которые воспринимались не совсем серьезно, почти как учебные, а разрушительные, смертельные и притом по-немецки методичные. Взрослые уверяли, что «он» прилетает точно в одни и те же часы. Тут уж приходилось спускаться в бомбоубежище, особенно по ночам, иначе была опасность уже не проснуться под обломками рухнувшего дома. О, как нас изматывали эти неоднократные ночные тревоги: только-только хоть как-то пригреешься — и снова ненавистная сирена. Как я помню тот страх, с которым мы, пробегая через двор (вход в подвал был в соседнем подъезде), бросали взгляды на ночное звездное небо, откуда вот-вот ринется на нас смерть! Много лет потом я не могла спокойно смотреть на звезды — ужас поднимался откуда-то со дна души.

Вскоре мы уже и не спускались: и сил не было, и какое-то безразличие появилось: ну, убьют так убьют... А жертв было много. Утром, после ночных налетов, то на одной, то на другой улице вдруг открывалась картина разбомбленного дома: иногда снесен угол или верхний этаж, а иногда дом пробит сверху донизу тяжелой фугаской,

и все этажи как в разрезе, с обнажившимися стенами комнат. Эти стены, оклеенные обоями, разноцветными на разных этажах, такие уютные и домашние, особенно нелепо и страшно выглядели при уличном дневном свете, как и уцелевшие остатки мебели и домашних вещей. Помню, как с какого-то этажа такого «разрезанного» дома свешивался зацепившийся за что-то рояль... По утрам бойцы ПВО раскапывали обломки разрушенных домов, стараясь спасти тех, кого завалило.

Особенно коварны были тяжелые фугасные бомбы замедленного действия. Такая бомба насквозь прошивала многоэтажный дом, и люди, обрадовавшись — не взорвалась! — возвращались после отбоя тревоги на свои этажи; а через некоторое время страшный взрыв разрушал дом снизу доверху. Такой случай был недалеко от нас, в Финском переулке у Финляндского вокзала.

Мы многому научились: по звуку мотора отличать немецкие самолеты от своих («юнкерсы» летали с каким-то особенно мерзким подвыванием), не бояться свиста падающих бомб и снарядов, ибо даже не разбиравшиеся в скоростях звука и падения знали, что бомба, свист которой ты услышал, тебя уже не убьет.

Наш район бомбили особенно часто: ведь совсем рядом был Арсенальный завод, неподалеку — «Красный выборжец» и другие оборонные предприятия. Чтобы хоть как-то защититься от ночных тревог, мои родители часто просили приюта на ночь у семьи больницы кочегара, жившей в подвальном этаже. Вот тогда мы высыпались, хотя и хорошо понимали, что можем заплатить за это дорогой ценой в случае прямого попадания. Потом мы сделали попытку на время переселиться в другой, более «тихий» район. Нас пригласила к себе сотрудница отца А. А. Филиппова, жившая в Басковом переулке, д. 22, возле тогдашнего кинотеатра «Красный луч». Мы переехали к ней, взяв с собой пару чемоданов с необходимыми вещами, и какое-то время действительно ночевали сравнительно спокойно, под редкие разрывы бомб где-то в отдалении. В подвал по тревоге

не спускались, хотя квартира была на верхнем этаже.

Не помню, как долго мы прожили в Басковом, вероятно, пару недель. Иногда из-за каких-то дел (скорее всего, все тех же очередей за хлебом) мы на одну-две ночи возвращались домой. И вот однажды, вернувшись утром после ночевки дома в Басков переулок, мы остановились как вкопанные перед домом 22. Часть крыши и верхнего этажа была снесена, и среди обломков в бывшей комнате А. А. Филипповой на виду у всей улицы стояли наши чемоданы, уже слегка запорошенные снегом. Оказывается, ночью был сильный налет, и бомба угодила в этот и соседний дома. А. А. Филиппова с дочерью в ту ночь спускались в бомбоубежище, к великому счастью, ибо их кровати оказались усыпанными осколками и обломками. Нечего и говорить, насколько мы были потрясены: в тот раз судьба подарила нам жизнь!

В ноябре отец часто уезжал и отсутствовал по нескольку дней. Как врач-эпидемиолог он был мобилизован для организации медицинского обслуживания на Дороге жизни, готовившейся к началу эвакуации населения из Ленинграда по льду Ладожского озера. Кстати, это название было дано много позже, тогда говорили «Ладожская ледовая трасса». Он много сделал для создания медпункта при эвакуопункте на станции Борисова Грива и какое-то время был его начальником.

Мы с мамой вернулись в свою комнату в Областной больнице, и начались самые страшные дни – медленное угасание среди темноты, холода и нарастающей голодной слабости. Все связи с миром ограничивались выходами (скорее, выползанием) в булочную и на Неву за водой да черной тарелкой радиорепродуктора, с его сигналами «воздушной тревоги» и отбоя, стуком метронома между ними и неутешительными сводками Совинформбюро, передававшими известия с фронтов. Эти дни я как-то плохо помню, в памяти всплывают лишь отдельные картины. Вот мы с мамой лежим под двумя матрацами, пытаемся согреться; вот где-то рядом слышны очередные взрывы бомб; вот по улицам, заваленным снегом, закутанные фигуры с

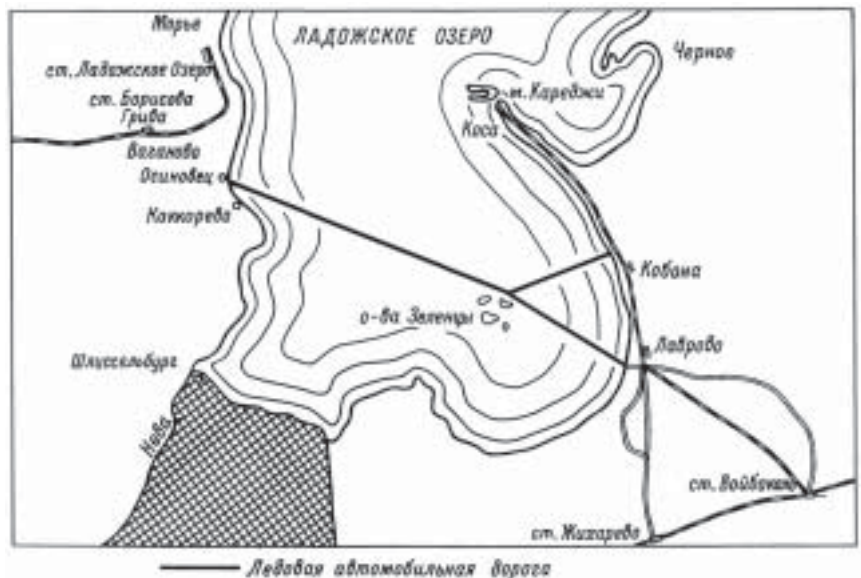
трудом тащат саночки со спеленутыми телами умерших от голода; вот тела умерших, лежащие на улицах, в подъездах домов – кто где упал... Помню похожие друг на друга лица дистрофиков. (Теперь ведь это слово, знакомое всем блокадникам, уже непонятно, и надо его объяснять: оно от «дистрофия» – крайнее истощение от голода.) Мужчины и женщины, старые и молодые – все выглядели одинаково: провалившиеся щеки, лицевые кости, обтянутые кожей так, что губы не смыкались и зубы были обнажены в постоянном оскале – «голодной улыбке», или «улыбке дистрофика»; глубоко запавшие глаза. Это были уже грозные признаки дистрофии III степени, обычно кончавшейся летальным исходом.

Очевидно, она уже подбиралась и ко мне, и к маме; но нас хоть как-то поддерживал отец, привозивший нам из своего военного пайка немного хлеба, масла и сахару. И еще была последняя картофельная кожура от того мешка картошки.

Так подошел новый, 1942 год. Отец долго не приезжал, и нас одолевала черные мысли: вдруг что-нибудь с ним случилось? И вот 26 января вечером – в мой день рождения – распахнулась дверь и, как в сказке, появился папа со сказочным подарком: буханкой хлеба и половиной настоящей плитки шоколада! Оказывается, он отпросился у начальства, кое-как добрался на попутках, чтобы поздравить меня.

Увидев, что в следующий приезд он уже может не застать нас в живых, отец решил забрать нас с собой на Ладожское озеро. Совершенно не помню, как мы уезжали из дома и добирались поездом до Борисовой Гривы. Помню только, что оттуда нам нужно было попасть в соседний поселок Ваганово, и мы 3 километра тащили свои вещи на санках по лесной дороге, утопая в глубоком снегу и буквально падая от изнеможения. Но упасть было нельзя: мы хорошо понимали, что если упадем – уже не встанем. Никогда потом я не испытывала такого напряжения последних сил и вместе с тем такого отчаяния и бессилия, как в том сумеречном морозном лесу.

Но – добрались! Нас поселили в помещении фельдшерского пункта поселка Ваганово, вначале прямо в приемной, а потом в боковой комнатке, вместе с ленинградским врачом Свешниковой. Мама, как и отец, стала работать на медпункте в Борисовой Гриве. Мне уже было 14 лет, и, немного отогревшись и подкормившись (конечно, от родительских пайков), я тоже смогла принять участие в работе медпункта. Местная старушка-фельдшерица Ванифатьева обучила меня делать перевязки и оказывать первую помощь. Кое с чем я и раньше была знакома, вырастая в семье медиков, и крови не боялась. Вначале я просто помогала ей на приемах. Основными пациентами были лесорубы, валившие лес

Ледовая дорога зимой 1941–1942 гг.

неподалеку, в леспромхозе. Это были молодые парни и девушки из Ленинграда и соседних сел, мобилизованные для заготовки топлива. Жили они в бараках, работали от зари до зари, на крепком морозе и ветре, и потому часто попадали в медпункт с обмораживаниями. Помню, как мне довелось делать перевязку одному дюжему парню, у которого все наружные поверхности кистей и пальцев представляли сплошные пузыри (обмораживание II степени). Паек у лесорубов был весьма скудный. Нас прикрепили к их столовой; в обед на первое был гречневый суп (вода с гречей), на второе – каша (греча без воды и без масла). И так каждый день; вероятно, никаких других продуктов просто не было. Однажды на фельдшерский пункт привезли машину дров, и две девушки-лесорубки взялись перепилить их за буханку хлеба (не помню уж, откуда ее достали). Кололи дрова мы сами, и я тоже этому обучилась.

Когда было налажено регулярное движение по Ладожской ледовой трассе и из Ленинграда двинулся поток эвакуированных, я стала работать на медпункте в Борисовой Гриве сандружинницей (была такая должность, средняя между санитаркой и медсестрой), конечно, внештатной, ибо зачислить меня не могли по возрасту. Вначале мне поручили «мазать носы» при посадке эвакуированных на машины. Ведь людей перевозили через озеро по льду на открытых грузовиках-полуторках, морозы же в ту зиму стояли необычно лютые, температура на трассе доходила до -38° . И хотя путь был и не очень долгим, а ехали накрывшись одеялами, многие выходили на том берегу из машин с отмороженными лицами. Вот я и должна была смазывать щеки и носы мазью против обмораживания – стояла у машин с банкой мази и шпателем и «обрабатывала» своих «пациентов» (от чего, впрочем, некоторые уклонялись). Через несколько лет, когда я, будучи уже студенткой Ленинградского университета, рассказала об этом своим однокурсникам, один из них вспомнил, как какая-то девчонка мазала ему нос на Ладожском озере...

Медицинская палатка на 7-м км ледовой трассы

Предполагалось, что моей обязанностью еще будет, вместе с тремя другими девчатами, обходить вагоны прибывавших из Ленинграда в Борисову Гриву поездов с эвакуированными, выявлять больных и на носилках доставлять их в медпункт. Но получилось иначе.

Наверное, не ошибусь, если скажу, что путь поездом от Ленинграда до Борисовой Гривы для многих был тяжелее, чем сам переезд через Ладогу. Поезда шли медленно, с частыми остановками, путь растягивался на целый день (а иногда и не на один). И многие дистрофики этого пути не выдерживали. Тем более что нередко добавлялось такое осложнение: перед эвакуацией выдавали паек на три дня, но люди не могли терпеть и съедали его сразу, даже еще не добравшись до поезда. Это приводило к тяжелой диспепсии (поносу), не говоря уж о последующих полностью голодных днях. Были и смертельные случаи – например, разрыв желудка, когда паек проглатывали сразу. И в результате мы снимали с поезда не только ослабевших больных (таких как раз было немного), но и множество застывших трупов. Вот это и стало моей основной работой... Мы, девчата-сандружинницы (мне было 14 лет, Саше 16, двум другим по 18–20), тащили неимоверно тяжелые носилки в медпункт и складывали тела в кладовую, которая иногда переполнялась доверху. Потом (очевидно, после необходимых формальностей) их увозила бригада парней-могильщиков. Где-то неподалеку иногда слышались взрывы – так делали могильные рвы.

Как я, девчонка, могла выносить эту работу? Физически было

очень тяжело; но не помню, чтобы мне было страшно или жутко – то ли какая-то защитная реакция срабатывала, вроде защелкнувшейся в душе дверцы, то ли уже и до этого насмотрелась на смерть... Вот только, пожалуй, жутковатые ощущения были, когда приходилось в кладовой ногами взбираться на груды тел, чтобы сбросить на них с носилок очередную ношу.

Приходилось мне помогать и на приемах врачей (из них запомнились два мобилизованных студента-медика) и выполнять обыкновенную работу санитарки и истопника. В стационаре было несколько коек, но дистрофики умирали на них гораздо чаще, чем поднимались с них. Поступавших в стационар, а иногда и приходивших на прием обрабатывали в санпропускнике (в просторечии – во шебойке); участвовала я и в той работе, приходилось активно воевать с педикулезом. Боялись вспышек «формы № 1» (так засекречено назывался у медиков сыпной тиф). И, насколько мне известно, к чести наших эпидемиологов, таких вспышек не допустили. А они вполне могли бы быть. Помню, как я однажды убирала палату, где лежали недавно прибывшие больные, и около одной койки остановилась с удивлением: откуда на полу столько крошек, этот умирающий парнишка хлеб здесь крошил, что ли? А это были насекомые...

Однажды в медпункте даже принимали роды. Матерью стала молодая эстонка Аста Вихермаэ (имя запомнилось, видимо, из-за его необычности). Она была в военной форме и плохо говорила по-русски.

Так прошли февраль, март и половина апреля 1942 года. Каждое утро отец, мама и я шли на работу за 3 километра от Ваганова, в Борисову Гриву, через лес. Темнота, лютой мороз, тяжело, но – надо! С этим поистине волшебным словом многое мы тогда выдерживали.

Конечно, перебравшись из Ленинграда в Ваганово, мы воспрянули духом: ясно было, что смерть отступила, а за это мы были готовы еще и не такое вынести. Были дрова, было тепло, главное же – был хлеб! Конечно, не вволю, но все же не ленинградская «дуранда» (блокадники помнят это слово, так назывались жмыхи). Хуже было с водой: деревенские колодцы не справлялись с нахлынувшим потоком людей и машин. Помню такую процедуру добычи воды для медпункта: я отправляюсь к колодцу с большим бидоном на санках и солдатским алюминиевым котелком на веревке. Приходится много-много раз опускать котелок в обмелевший и обледеневший колодец, ибо зачерпнуть удавалось лишь не более четверти котелка. Конечно, жестоко замерзала. Везти обратно наполненный бидон тяжело, и я совершенно подетски загадывала: вот, если смогу дотащить до того куста и не остановиться, то скоро кончится война... Не раз я добиралась до медпункта с побелевшими от мороза носом и щеками.

Приближалась весна, и ледовая дорога должна была вскоре закрыться. Много было разговоров о машинах, ушедших под непрочный ладожский лед, о мостках, которыми укрепляли трещины.

Отец несколько раз переезжал озеро, помогая налаживать работу медпунктов «на той стороне» – в Лаврове, Жихарева и других местах. А затем его и вовсе откомандировали на ту сторону. Нам предстояло переехать Ладогу по разрушающемуся льду с одним из последних рейсов. Это было 15 апреля. Мы ехали в машине «скорой помощи» с забеленными боковыми стеклами, и только поэтому не было страшно. Но все время был слышен шум воды под колесами – вода уже выступила из-под льда, и как говорил потом шофер, казалось, что мы плывем по озеру, а не едем по льду. Конечно, каждую

Опасная ситуация

Обоз с продовольствием

минуту могли провалиться, но – переехали! Мы уже не в блокаде!

Две недели мы прожили в Лаврове, на гамошнем медпункте. Там мне тоже довелось поработать санитаркой. При медпункте был небольшой стационар, где пытались выходить тех, кто пересек озеро, но не смог ехать дальше. Это были тяжелые дистрофики, и обычно они не выживали. Помню одного из них; я меняла белье на кровати и была поражена тем, до какой степени человек может потерять все, кроме костей и кожи, провисающей на них. Оказалось, что этот живой скелет был девушкой 20 лет. Вскоре она умерла.

Дальше встал вопрос о нашей эвакуации («в глубь страны», как говорили тогда). Отцу дали отпуск, чтобы отвезти нас в эту «глубь», а потом он должен был вернуться на Ладожскую трассу. 1 мая 1942 года мы выехали с последним эшеленом зимней эвакуации (точнее, это был не эшелон, а

два товарных вагона-теплушки, прицепленные к воинскому составу; в дальнейшем нас часто перепледали к разным поездам). Железную дорогу, отходившую от Ладоги, сильно бомбили. Помню, как мы с замиранием сердца ждали: проедем или не проедем станцию Войбокало, где бомбежки были особенно сильными. Проехали! А кругом, действительно, все было буквально вспахано бомбами и снарядами.

На этом моя блокадная история заканчивается. Дальше был долгий и тяжелый путь (три недели в теплушке), который завершился в Ставропольском крае, где мы вскоре попали в оккупацию. Но это уже отдельная история.

После войны родителям из-за оккупации запретили возвращаться в Ленинград, и я вернулась одна: в 1946 году поступила на биофак Ленинградского университета, где, после окончания факультета и аспирантуры, проработала всю жизнь, до выхода на пенсию в 1991 году. ■

Четыре месяца на передовой

Б. Б. Орловский

Я записался добровольцем на фронт в Ленинградском университете сразу после сдачи последнего экзамена за 3-й курс физического факультета, и уже 8 июля 1941 года надел военную форму с кубиком на воротнике и был назначен командиром огневого взвода Артиллерийского полка Василеостровской дивизии Народного ополчения.

На передовую я попал в первых числах сентября. Враг подошел уже вплотную к Ленинграду, и моя батарея 76-мм пушек, входящая в состав Отдельного зенитного дивизиона (ОЗД), получила приказ срочно направиться в расположение командира 213-го стрелкового полка 56-й дивизии, занявшего оборону в районе Лигово.

На второй день марша нашей батареи уже на огневую позицию, указанную нам на карте командиром полка, проходившего вечером вдоль передовой, мы услышали вдруг рядом сильный взрыв и, оглянувшись, увидели взлетевшего в небо ездового, разбитую повозку с имуществом связи и двух бьющихся на земле смертельно раненных лошадей. Тут откуда-то, как из-под земли, выскочил, ругаясь последними словами, офицер. Оказалось, что

он сегодня по приказу командования заминировал со своими саперами этот участок дороги. Скоро выяснилось, что мы, наши пушки и повозки стоят на этом минном поле. Разворачиваться, чтобы, вернувшись, обойти пройденный участок, было невозможно. Пришлось нам под его руководством, освещая дорогу фонариком, двигаться вперед, преодолевать оставшиеся метры заминированного участка поочередно с каждым орудием и повозкой на руках. При этом нам нужно было спешить, чтобы успеть до наступления рассвета отрыть укрытия для орудий, ниши для снарядов, щели для «обслуги» и все это надежно замаскировать. На КП полка нас об этом предупредили, сказав, что местность там открыта для наблюдения со стороны противника.

И мы в этом наглядно убедились уже на следующий день, когда я, вернувшись утром с рекогносцировки из ничейной зоны (конечно, ползком), распрямился у щели комбата, чтобы доложить о результатах, и вдруг на нас обрушился шквал мин. Я мгновенно скатился в щель прямо на комбата, и мы оба, лежа на дне щели, считали разрывы под свист пронесящихся осколков,

вдыхая запах горелого пороха. Оказалось: враг выпустил тогда по мне более пятидесяти мин. От этого налета пострадал еще один наш солдат, которого пришлось отправить, как ездового, в медсанбат. Так прошли первые сутки моего пребывания на передовой. Врага мы еще не увидели, а потеряли уже двух солдат, двух лошадей, повозку и часть имущества связи.

Передовая линия обороны нашего полка проходила по неудобной для обороны низине, в то время как враг, захватив уже наши пригородные деревни Старо- и Ново-Паново и Кискино, расположенные перед нами на возвышенностях, усиленно укреплялся в них и на высотках перед ними. Но дальше нам отступать было нельзя. Вплотную за нами был Кировский завод и Ленинград. На этом участке обороны Ленинграда мне и довелось сражаться почти четыре месяца, до конца декабря 1941 года, и враг здесь не продвинулся вперед ни на шаг, – не только в мою бытность, но и до конца блокады, когда он был отброшен от Ленинграда навсегда.

Эти сто десять дней и ночей, проведенные в труднейших условиях суровой зимы 1941 года, запомнились мне как тяжелейшие за всю войну. Снабжение боеприпасами было более чем скромным (2 снаряда в сутки на ствол), блокадное питание 300 грамм сухарей и ложка чечевицы на дне похлебки в сутки, и это при непрерывном обстреле наших позиций и днем, и ночью. Мы несли большие потери. Поэтому мне пришлось за этот относительно небольшой срок сменить несколько подразделений. После уничтожения нашей батареи вражеским огнем я командовал взводом разведки, взводом управления минометного батальона, а затем и ротой. Довелось участвовать в отражении десятка атак противника и в нескольких, увы, тогда безуспешных, наших контрата-

Бои в районе Лигова. 1941 г.

ках. Не раз бывал и рядом со смертью. <...>

Обстреливаемые днем и ночью, мы, конечно, несли солидные потери. К декабрю мы стали нести потери и от физического истощения. В моей роте ополченцев было немало солдат старшего возраста. Не все смогли выдерживать фронтную нагрузку при нашем скудном питании. Не выдерживали в первую очередь те, кто были поплотнее, а такие, как я, худенькие, держались.

В начале декабря мои разведчики обнаружили в ничейной зоне под снегом поле с неубранной капустой и притащили мешок замерзших кочанов. Вечером мы тушили их в ведре на печурке в нашей землянке, залив, за неимением жиров, касторкой, бутылку которой раздобыл где-то наш старшина. Ели под прибаутки – как-то отреагируют наши тощие желудки? И что ж? Никакого эффекта. Весть о нашей находке разнеслась по полку мгновенно. Следующей ночью уже несколько десятков добровольцев поползли с мешками в ничейную зону. Вернулись с добычей, но приволокли и несколько раненых. Враг обстреливал их из минометов, считая, вероятно, что отражает крупную атаку противника. А у нас на следующий день во всех ротах был зачитан приказ по полку с категорическим запрещением подобных вылазок! Я же, хоть и невольный их инициатор, был вызван к командиру полка, получил нагоняй и, во искупление вины, задание: «Взять языка!».

Грустный, я возвращался в роту. Мы все знали, что в условиях нашей открытой местности и длительного противостояния эта задача была не из легких. Уже целый месяц дивизионная разведка не могла добиться успеха, потеряв несколько человек. Но приказ надо выполнять! И после двух неудачных попыток, обошедшихся, к счастью, без жертв, «язык» был нами доставлен в штаб полка. За это участникам захвата была объявлена благодарность приказом по полку, а я получил в виде поощрения увольнительную в Ленинград на 12 часов!

С момента моего расставания с Ленинградом прошло больше трех месяцев. И вот, взяв с собой дневную пайку сухарей и бутылоч-

Рабочие-ополченцы. Фото 1941 г.

ку с фронтными 100 граммами, я двинулся с бьющимся сердцем на свидание с моим городом.

В самом начале пути переждал сильный обстрел за метровыми стенами больницы Фореля. Затем быстро двинулся, дальше: ведь в увольнительной указан срок, а время бежит... До улицы Стачек добрался скоро. Шел, наслаждаясь тем, что могу, наконец, идти, выпрямившись во весь рост. Прошел через две баррикады, преграждавшие улицу Стачек, дважды у меня проверяли документы. От Нарвских ворот доехал на попутной машине до Публичной библиотеки. Дальше пошел пешком на Петроградскую сторону, где на Дивенской улице надеялся застать друга нашей семьи, Алину Михайловну Кобрину. Больше у меня в городе никого из близких не было: еще в сентябре 1937 года я потерял отца и сестру, арестованных НКВД, а мать так и оставалась в ссылке в Таджикистане, где и я пробыл с ней до своей реабилитации в 1940 году.

Проходя по Ленинграду, я мог воочию увидеть, как живет город в условиях блокады. Невский был непривычно пустынен, но и под снежком так же величественен и красив. Я, помню, не заметил на нем особенных разрушений. Переходя Неву, я видел, как ленинградцы, преимущественно женщины, спускались к прорубям с чайниками и бидончиками за водой. Видел, как они, двигаясь медленно, как во сне, везли куда-то на саночках завернутых в простыню или одеяльце своих умерших близких; видел

сидящих, прислоненных к стенам домов ленинградцев, которым уже ничего не надо было. Вначале даже пытался двоих разбудить, к сожалению, напрасно. Возможно, из-за снега я редко видел разрушенные дома, хотя знал, как Ленинград обстреливали. Ведь снаряды пролетали высоко над нашими окопами. Без суеты автомашин и трамваев город выглядел более мирным, спокойным и тихим.

Алину Михайловну я застал дома. Меня она встретила, как родного сына, и я почувствовал себя, как дома. Нагляделись мы с ней друг на друга, наговорились, выпили мои фронтные 100 грамм, съели по тарелочке супа, приготовленного ею по случаю моего визита. Попили чаю с сухарями. Оба как бы обновились душой, и я, простившись с ней, зашагал опять на войну.

Через несколько дней нас сменила другая часть, а полк двинулся в поход. Куда нас перебрасывали – на Невскую Дубровку или под Пулковку, я так и не узнал, потому что на вторые сутки марша, при выходе из села Рыбацкого, где полк остановился на ночевку, я был вызван срочно в штаб полка. Там получил предписание немедленно сдать роту и направиться в Ленинград, в штаб Ленфронта на улицу Каляева

А еще через несколько дней я в числе девяти офицеров польской национальности выехал из Ленинграда по Дороге жизни для прохождения дальнейшей службы и вернулся на берега Невы уже после демобилизации, спустя шесть лет. ■